

К. МЕЧЕВ

Протопоп Аввакум и Софроний Врачанский*

В научно-исследовательской литературе, посвященной известному болгарскому писателю и деятелю Возрождения Софронию Врачанскому, обыкновенно указывается, что автобиографию «Житие и страдания грешного Софрония» он написал главным образом под влиянием своего современника — сербского писателя, общественного деятеля и просветителя Досифея Обрадовича, автора жизнеописания «Живот и приключенија Димитрија Обрадовича, нареченного у калуђерству Доситеја», впервые напечатанного в Лейпциге в 1783 г.¹ Считается, что с этим основным сочинением Обрадовича Софроний познакомился или в городе Видине, где он из-за происков монаха грека Калиника, стремившегося получить место епископа, находился в плену в качестве заложника с 1800 по 1803 г., или в Бухаресте, где после 1803 г. поселился постоянно и умер, вероятно, в 1813 г.

Однако все эти соображения высказывались мимоходом, поэтому им недостает доказательств. Влияние Обрадовича на Софрония принимается как само собой разумеющийся факт. Один Боян Пенев в «Истории новой болгарской литературы» уточняет, что если и можно говорить о какой-то зависимости, то о зависимости чисто внешней, так как в своих автобиографиях оба писателя ставили различные цели.² К верному наблюдению Б. Пенева можно добавить, что эта внешняя зависимость касается, быть может, только заимствования темы — собственная жизнь.

Представление о влиянии на творчество Софрония Врачанского Досифея Обрадовича имеет и до сих пор многочисленных приверженцев.

* Перевод с болгарского Г. И. Сафронова. Печатаю статью К. Мечева, содержащую большой и интересный материал, касающийся близости произведений Софрония и Аввакума, редакция отмечает, что происхождение сходных черт сочинений того и другого может иметь различное объяснение. (Ред.).

¹ Боян Пенев. Доситей Обрадович у нас. — Списание на Българската Академия на науките, кн. III. София, 1912. Там приведены разные мнения по данному вопросу: М. С. Дринов. Няколко забравени списания на Софрония Врачанского. — Периодическое списание, кн. 12. София, 1884, стр. 9; М. Г. Попруженко. Очерки по истории возрождения болгарского народа. — ЖМНП. СПб., 1906, № 4, стр. 343; А. Т. Баллан. Българска литература. 1-е изд. Пловдив, 1896, стр. 160; 2-е изд. София, 1907, стр. 106. О влиянии Обрадовича на Софрония пишут также: Н. С. Державин. История Болгарии, т. III. М.—Л., 1947, стр. 76 и сл.; Ив. Д. Шишманов. Увод в историята на българското възраждане. — В кн.: От Паясий до Раковски. София, 1943. Там говорится: «Гораздо сильнее влияния Ранца было влияние, оказанное на некоторых наших (болгарских, — К. М.) писателей Досифеем Обрадовичем, особенно на Софрония Врачанского. Житие Софрония несомненно (разрядка наша, — К. М.) вызвано автобиографией Досифея» (стр. 115). Так же определенно высказывается в своей книге «Строители на българското духовно възраждане» (София, 1954) и проф. Михаил Арnaudов: «Он (Софроний, — К. М.) воспринимает некоторые взгляды сербского гуманиста Досифея Обрадовича, автобиографию которого в издании 1873 года с увлечением читал» (стр. 43). Но М. Арnaudов подобно Ив. Шишманову не обосновывает свое утверждение, не доказывает, где, как и когда Софроний ознакомился с автобиографией Обрадовича.

² Боян Пенев. История на новата българска литература, т. III. София, 1933, стр. 331.

Причина заключается в однажды установившейся традиции и самое главное — в недостатке специальных исследований, посвященных творчеству Софрония. В последнее время Донка Петканова-Тотева³ и Боню Ст. Ангелов⁴ доказывают, что основные литературные источники, которыми пользовался в своей писательской деятельности Софроний Врачанский, были русскими. И это вполне естественно, если иметь в виду интенсивные русско-болгарские культурные, политические и общественные связи во второй половине XVIII и в начале XIX в.⁵ и большую близость русского и болгарского языков.

Вполне возможно, что Софроний читал автобиографию Досифея Обрадовича, но, как показывает сравнительный анализ текстов произведений, в главных моментах «Житие и страдания грешнаго Софрония» похоже не на это жизнеописание, а на Житие замечательного русского писателя второй половины XVII в. протопопа Аввакума Петрова.

О чем рассказывает в своем Житии Софроний Врачанский?

Софроний непринужденно, безыскусно просто и волнующе знакомит читателя не столько с собственной жизнью, сколько с безрадостной рабской долей болгарского народа под властью османских турок. Петр Динев пишет: «Эта книга (Житие Софрония, — К. М.) больше чем автобиография — это широкое изображение болгарской жизни второй половины XVIII века, так как в ней воплощена трагическая судьба целого народа. Вот почему автобиография Софрония не утратила значения до сих пор».⁶

Скромно, без преувеличений, не выпячивая себя, Софроний рассказал о своей жизни до 1803 г., когда он покинул Врачанскую епархию, где служил епископом с 1794 г., и переселился в Бухарест, чтобы отдаться активной литературной деятельности. Но Софронию не были чужды и политические выступления в интересах народа. Самым важным в этом отношении безусловно является его воззвание к болгарскому народу в связи с русско-турецкой войной 1806—1812 гг.⁷

Повествование одухотворено симпатичной личностью автора, скромная самооценка которого пробуждает в читателе восхищение и самые добрые чувства. Замечательно, что Софроний, достигший епископского сана, основное внимание сосредоточивает на деятельности, которая представляет его как мирянина, а не служителя церкви. Такой выбор жизненного материала определялся его трезвым реалистическим мировоззрением. Именно поэтому в его Житии мы встретим яркие, запоминающиеся описания и замечания автора, рисующие картину развращенности и гнилости тогдашней столицы Оттоманской империи Царьграда, продажности греческого духовенства, жестокости и насилия турецких пашей, беев, аянов и других представителей местной власти, опустошительных междоусобиц в северо-западной Болгарии в конце XVIII в., когда в Видине самовластно управлял сумасбродный и гордый Осман Пазвантоглу, отложившийся от центрального царьградского правительства, исключительной, невыносимой материальной и духовной нищеты болгарского народа, стонавшего под турецким игом. Обо всем в Житии рассказано в спокойном тоне, обусловленном

³ Донка Петканова-Тотева. Неделникът на Софроний Врачански — извори и идеи. — Известия на Института за българска литература, кн. IX. София, 1960, стр. 199—243.

⁴ Боню Ст. Ангелов. Ранни книжовни занимания на Софроний Врачански. — Известия на Института за българска литература, кн. V. София, 1957, стр. 385—405.

⁵ См.: Ив. Снегаров. Културни и исторически връзки между България и Русия през XVI—XVIII век. София, 1953, стр. 98 и сл.

⁶ Софроний Врачански. Избрани творения. Под редакцията на Петър Динев. София, 1946 (далее: Софроний Врачански), стр. 26, 27, 49.

⁷ Там же, стр. 155—158.

как темпераментом писателя, так и значительным промежутком времени между пережитым и художественным его воссозданием. Но и при внешнем спокойствии в автобиографическом рассказе Софрония ощущается пафос глубокого патриотизма и сильной ненависти к турецким порабитителям.

Творческий характер протопопа Аввакума иной. Его Житие — не спокойное подведение итогов пройденного жизненного пути, а идеологический призыв, руководство к действию для тех, кто разделяет его религиозно-политические представления. Аввакум не отчитывается в своем Житии, а проповедует, призывает, обличает. Проповедь есть и у Софрония, но выражена она не так прямо, а скорее между строк, в то время как у Аввакума ее направленность проявляется ярко, динамично, подчеркнута почти в каждом слове его Жития.

И у Аввакума центральной темой повествования является личная жизнь, показанная на фоне тогдашней русской действительности, хотя скорее в религиозном плане. Убеденный в том, что он божий избранник, которому суждено указать русскому православию «истинный христов путь», Аввакум описывает свою жизнь с каким-то обостренным вниманием к личным переживаниям, которое порой принимает болезненные формы. Но это эмоциональное напряжение оправдано стремлением автора приобрести возможно больше сторонников старообрядческого дела, а тех, кто уже с ним вместе, превратить в более деятельных борцов.

Житие Аввакума — замечательный литературный и исторический памятник, в котором художественно и в то же время документально воплощены исключительно интересные моменты политической, культурно-религиозной и хозяйственной жизни России второй половины XVII в. Это и дает основание советским ученым считать Житие настоящей энциклопедией русской жизни той отдаленной от нас тремя веками эпохи.⁸

И несмотря на значительные расхождения в подходе, в изложении и истолковании проблем и фактов жизни в двух автобиографиях, между ними существует и большая близость, которую трудно объяснить случайным совпадением. Гораздо естественнее предположить, что Софроний знал Житие Аввакума и что это сочинение в какой-то степени помогло ему осознать значимость своей жизни, своих страданий и побудило к описанию их. Особенное значение имеют некоторые сходные детали (порой почти одинаковые) в автобиографиях болгарского и русского авторов. Эти совпадения наводят на мысль, что у Софрония, по-видимому, воскресли в памяти некоторые эпизоды своей жизни, когда он припоминал прочитанное у Аввакума.

Но перейдем к сопоставлению отдельных мест из анализируемых нами житий.

⁸ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1953 (далее: Гудзий), стр. 440—457; История русской литературы (в трех томах), т. 1. М.—Л., 1958, стр. 353 и сл.; Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958 (далее: Лихачев), стр. 118—161; В. Е. Гусев. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века. — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1959 (далее: Гусев), стр. 5—51; В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 138—187; А. Н. Робинсон. 1) Аввакум и Епифаний (к истории общения двух писателей). — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 391—403; 2) О художественных принципах автобиографического повествования у Аввакума и Епифания. — В кн.: Славянская филология, сборник статей, вып. II. М., 1958 (IV Международный съезд славистов), стр. 245—272; В. В. Виноградов. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципы его словоупотребления. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 371—379; В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 44—123.

В самом начале *Жития*⁹ Аввакум пишет о своей любви к родному языку, о том, что он не привык выражаться философски (т. е. литературно), что поэтому он и называет свой стиль «просторечьем». О своей любви к живому, современному болгарскому языку неоднократно говорит и Софроний. Его литературно-просветительская деятельность — самое яркое проявление этой любви. Именно это и дает ему повод сообщить, что когда он прибыл во Враце на место епископа и стал «да сказва поучение» (говорить церковную проповедь) на обыкновенном болгарском языке, прихожане, никогда раньше не слышавшие такой понятной для них проповеди (в то время болгарскими владыками были, как правило, греки, и Софроний являлся исключением, так как в мятежную тогда врачанскую епархию ни один грек не пожелал идти), «имали го за едного философа» (стр. 138).¹⁰

Близость обоих житий к разговорной народной речи несомненно является выражением демократических убеждений их авторов. Эта черта их мировоззрения и творчества в значительной степени обусловила и популярность их произведений, а особенно житий, даже в наши дни.

Уже первыми своими строками обе автобиографии похожи одна на другую. Почти в одних и тех же словах Аввакум и Софроний описывают родные места и среду, в которой они выросли.

Аввакум: «Рождение же мое в нижегородских пределах за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаще пития хмельнова... Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод» (стр. 59).

Софроний: «Аз грешный в человецех, родих ся в село Котил от отца Владислава, а от мати Мария. И като съм бил три лета преставила са мати моя и отец мой поял другую жену» (стр. 118).

Софронию была чужда религиозная проповедь Аввакума, поэтому введение (приступ), насыщенное туманной философской риторикой и религиозной фразеологией, направленной к восхвалению православия, а точнее старообрядчества, не оказало на него воздействия, и *Житие Софрония* прямо начинается с описания конкретных фактов его жизни.

Оставшихся сиротами без родительской ласки и заботы Аввакума и Софрония рано женили: им не исполнилось и по 20 лет. «Изволила меня мати женит» (стр. 59), — сообщает Аввакум, а Софроний пишет: «Понудиша мя роднини мои да мя оженят, почто не имаше кой да мя гледа» (стр. 121).

В то время как сообщение Аввакума о женитьбе прочно связано со всем его автобиографическим рассказом, так как супруга Настасья Марковна была верным спутником, помощником и вдохновителем в его жизни, сообщение Софрония как-то оторвано от основного содержания *Жития*, в котором он упоминает о своей жене только два раза: первый — что была она «мало горделива», с трудом переносила бедность в первые годы жизни супружеской, в другой раз — когда она умерла. Эпизодический характер образа попадьи в *Житии Софрония* заставляет нас предполагать, что Софроний остановился на этом, не имеющем в конечном счете значения в его общественно-культурной деятельности моменте, имея перед собой какой-то образец. Вероятнее всего таким образцом и было *Житие Аввакума*.

Аввакум и Софроний, вступившие в жизнь совсем молодыми и неопытными, терпят всяческие притеснения от своих близких. «От своих соплеменников во изгнании быхом», — со скорбью пишет Аввакум. А когда Софроний по делам находился в Царьграде, родственники «разграбиша

⁹ Текст *Жития* дается по изданию: *Житие протопопа Аввакума*, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1959, стр. 53—122.

¹⁰ Софроний Врачанский, стр. 118—155.

домовния вещи и сокриша ги», обвинив его же в воровстве. «И придоша должници стриинии сас судиа турецкки да преписуват домовния вещи и мало що найдоша. И мнеша како съм аз го скрил и повеле судиа да мя бият на фаланга (деревянное устройство, которым сковывали ноги, — К. М.). А селския княз не даде ми, знаяше како не съм аз повинен» (стр. 120—121).

Софронию не была свойственна столь мятущаяся совесть, как у Аввакума, но и он подчеркнуто самокритичен. Красочно, живо, с юмористическими оттенками он описывает пережитый им страх смерти, когда некий турецкий вельможа из Карнобата (район юго-восточной Болгарии) чуть не повесил его за то, что он обвенчал болгарина с болгарской девушкой, понравившейся турку. В течение года турок не женился на ней, так как одна из его жен не давала согласия на этот брак, но он не позволял и девушке выйти замуж. Софроний знал о запрещении, но согласился обвенчать ее с болгариним, поскольку ему было сказано, будто «султан» (как он называет турка) дал разрешение на брак. И это чуть не стоило ему жизни. Во время разбирательства он почувствовал, что турок склонен на уступки, и чтобы спасти себя, Софроний, не думая о звании и сане христианского духовника, поклялся вельможе по-турецки («Ваалаги-биалаги!»), что он проклянет молодоженов и те разлучатся. Во время скитаний по стране в качестве врачанского епископа, спасаясь от турецких преследований, Софроний выдавал себя то за лекаря, то за писаря, а иногда целыми неделями и месяцами скрывался в горных селах, монастырях и даже в турецком гареме в городе Плевене, уходил в Румынию. Пишет он об этом не за тем, чтобы оправдать себя, а объяснить, что скрывался в гареме, полагая, что свирепствовавшие тогда (последние годы XVIII в.) вокруг Плевны турецкие разбойничьи банды потребуют с него большой выкуп, если он попадет в их руки. У него же при себе, как всегда, не было и ломаного гроша. И «мнити ми ся како мя убиваха», — объясняет он.

Аввакум и Софроний не стыдятся рассказывать своим современникам и потомкам о таких случаях, когда их воля бывала сломлена и побеждена. В Тобольске Аввакум поссорился с церковным деятелем и заместителем местного архиепископа Иваном Струной. Архиепископ, благосклонно относившийся к Аввакуму, был в то время в Москве, и Аввакум, оставшийся без защиты, целый месяц, где придется, скрывался от разгневанного Струны. «Мучился я с месец от них бегаючи втай; иное в церкви ночью, иное к воеводе уйду, а иное в тюрьму просился, а иное не пустят» (стр. 68), — с нескрываемой горечью пишет Аввакум. Чистосердечно сообщает о своей осторожности и Софроний, ходивший по глухим улицам и дворам, скрывавшийся в церкви, чтобы обезопасить себя от преследования турок, захвативших город Котел. Эти признания не снижают образа писателей. Напротив, они предстают более живыми, человеческими, обыкновенными и как логическое следствие этого литературно-исторически более значимыми.

Аввакум и Софроний не раз защищают бедных и обиженных, движимые не столько чувством христианского долга, сколько самым обычным человеческим состраданием.

Оба писателя часто терпели материальный ущерб. У Аввакума разрушают дом и самого его прогоняют из села Лопатица; Софроний был ограблен своими близкими в городе Котел, а в другой раз разорен грабителями-кирджалиями (турецкие разбойничьи банды, свирепствовавшие в Болгарии в конце XVIII—начале XIX в.), так что в доме его в селе Арбанаси (около города Тырново) не осталось «ни лъжица, ни паница».

Аввакум и Софроний — чадолюбивые отцы. Вспоминая о тяжелых годах сибирского заточения, Аввакум свою дочь Аграфену называет «бедной горемыкой». А Софроний с грустью сообщает, что кирджалии разорили его дом в Арбанаси, дети бежали в город Свиштов и спали там на рогожах, а у него не было денег купить им одежду. И лишь двумя словами, подобно Аввакуму, он говорит об этом несчастье: «Скорб голям!».

Так экономно и красочно могут писать о своих переживаниях только настоящие художники слова, пусть и недостаточно профессионально подготовленные, но обладающие верным чувством истинно художественного и драматичного в жизни и искусстве.

И Аввакуму, и Софронию случалось проходить через места битв враждующих орд: Аввакуму — между татарами и башкирами, Софронию — между правительственными султанскими войсками и бандами Османа Пазвант-оглу.

Страшные ломающиеся льды угрожают жизни обоих писателей: Аввакуму — на озере в Даурии, когда он ловил рыбу, чтобы прокормить свою семью, а Софронию — при переходе через Дунай на пути в Румынию.

С желчным укором обращаясь к никонианам, Аввакум смеется над ними: «... огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердит». А когда Софронию предложили принять магометанскую веру и грозили в случае отказа убить, направив на него пистолет (это «предложение» было сделано в связи со злополучной женитьбой болгарина на болгарской девушке, понравившейся турку), он обратился к угрожавшему турецкому начальнику со словами: «А, ефенди, хич вяра сас пушка бива ли?».

Характеризуя себя, и Аввакум, и Софроний указывают, что они мало учены. Аввакум говорит: «Не учен диалектики, и риторики, и философии», а Софроний сообщает, что учился немного, так как в его время в Болгарии не было «философское учение».

Не раз в дни самых тяжких испытаний и страданий Аввакум умел подняться над невзгодами и посмеяться. Когда дочь его Аграфена, будучи еще малым ребенком, ходила к Афанасию Пашкову за едой, вспоминает он, «иногда дадут ей, а иной раз и обругают». «И горе, и смех!», — пишет Аввакум. Что касается Софрония, то юмористический взгляд на житейские невзгоды, на жизнь вообще — не какое-то случайное проявление, а постоянный атрибут его трезвого реалистического мироотношения, элемент, который ощущается во всем его творчестве. Именно этот юмористический стиль придает «Житию и страданиям грешного Софрония» глубоко индивидуальный характер и является причиной того, что произведение запоминается с первого чтения.

До сих пор речь шла главным образом о сходных деталях в обоих Житиях, но сходство рассматриваемых Житий выражается не только в этом. Прежде всего следует отметить то, что в своей основе это первые настоящие автобиографии в русской и болгарской литературах, написанные на народном языке.¹¹ Настоящие потому, что в каждой строке, в каждом слове искрится и кипит живая жизнь, полностью преодолевающая традиции церковной житийной литературы, герои которой, как правило, не живые люди, а идеологические схемы. Перед нами не просто автобиография, а многофигурные повести с широким идейным охватом.¹² Важной чертой обоих житий-автобиографий является ярко выраженный психологизм, выдвижение на передний план человеческой личности, с ее глубокими эмо-

¹¹ Гусев, стр. 36; Гудзий, стр. 445; Софроний Врачански, стр. 29.

¹² Гусев, стр. 35; История русской литературы (в трех томах), т. 1, стр. 353; Софроний Врачански, стр. 27.

циональными переживаниями, обусловленными не промыслом божьим, а реальными жизненными обстоятельствами. Чтобы убедиться в правильности этого суждения, достаточно вспомнить объяснения Софрония с бостанджи-баши в связи с продажей султанских овец: «Повлекоха ме бостанджини да ме убесят. Аз ся тегля камто бостанджи, а они мя теглят навон, раздраха ми дрехите. Заборавих и биене и болест» (стр. 129). Аввакум, избитый и связанный Пашковым, после ночи, проведенной под дождем, плавает на разбитом плоту по реке Лене. «Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашло да и умирать стал» (стр. 71). Подобных описаний в традиционной житийной литературе и с огнем не сыщешь! И Житие Аввакума, и Житие Софрония Врачанского сближаются между собой той глубокой реалистичностью, с какой оба автора повествуют о перипетиях своей жизни, яркостью описываемых в обоих произведениях образов своих современников: у Аввакума — Афанасия Пашкова, Ивана Неронова, патриарха Никона и многих других; у Софрония — карнобатского правителя Ахмед Геряя, монаха Калиника и невежественных котленских попов, ненавидевших Софрония за то, что он был «ученее» их.

«Житие Аввакума есть памятник борьбы и служения идее до самоотречения, выражение несломимой человеческой воли и личности, когда ее подкрепляет убеждение в правоте дела», — пишет Д. С. Лихачев.¹³ В известной степени, хотя и в ином аспекте, это можно отнести и к Софронию: его Житие — замечательный документ беззаветного служения народу, неотделимой частью которого по происхождению, мысли и делу был болгарский писатель Возрождения.

С полным основанием Житие Аввакума расценивается как яркое художественное и историческое свидетельство антифеодальных оппозиционных настроений демократических слоев русского народа в России второй половины XVII в.¹⁴ В автобиографии Софрония Врачанского политический элемент на первый взгляд слабо заметен. По существу он ощущается как сильное подводное течение, струи которого вырываются на поверхность, что видно уже и из приведенных выше отрывков из Жития. Житие Софрония звучит как неопровержимое документальное обвинение турецкому феодализму, низвергнутому болгарский народ в пропасть неописуемой материальной нищеты, культурно-духовного невежества, приводившего порою на грань вырождения.

В своих автобиографиях Аввакум и Софроний показали яркое художественное мастерство, рожденное и вдохновленное как дарованием самих художников-бытописателей, так и народно-повествовательным творчеством, которое оба автора благодаря их глубоко народному происхождению, по-видимому, хорошо знали.¹⁵ Почти в равной мере у обоих авторов литературный язык перемешан с народным разговорным языком с значительным перевесом живого слова (Аввакум, например, называет свой стиль «вяканьем»), что делало оба произведения вполне понятными современному им читателю.

¹³ Лихачев, стр. 160—161.

¹⁴ Гусев, стр. 6; История русской литературы (в трех томах), т. 1, стр. 353. В. Е. Гусев. Житие протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII века. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 382 и сл.; Лихачев, стр. 152, где о русской демократической литературе XVII в. сказано: «Литература демократическая оппозиционна феодальному классу: это литература, подчеркивающая несправедливость, господствующую в мире, отражающая недовольство действительностью, социальными порядками».

¹⁵ В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры, стр. 159; Софроний Врачански, стр. 29; Лихачев, стр. 146.

Сходство между двумя автобиографиями обуславливается до некоторой степени и причинами их возникновения. Аввакум написал свое Житие с агитационно-пропагандистскими целями.¹⁶ Лишенный возможности прямо проповедовать свои взгляды, он не имел другого способа общения с людьми, кроме письма. Вынужден был и Софроний покинуть свою епископию во Враце. Поэтому и его Житие является исповедью-завещанием, стремлением освободить себя от чувства виновности перед покинутой паствой — высказывает убедительную догадку Михаил Арнаудов.¹⁷

Как уже упоминалось однажды, разрабатывая новый сюжет — собственная жизнь, — и Аввакум, и Софроний рвут нормы и вековые шаблоны старой житийной литературы и создают новый беллетристический жанр документальной автобиографической повести,¹⁸ нашедшей в наши дни свое высшее развитие в автобиографических мемуарах. Непосредственность и документальность двух рассказов, их глубоко личный тон волнуют нас и теперь, потому что через эти произведения мы близко видим, как среди общественной борьбы создаются, формируются и растут две интересные человеческие личности. Как в жизни, так и в Житии дни и годы Аввакума проходят более мятежно и динамично. Настроения у него меняются быстро: неожиданно для читателя он переходит от нежной радости к яростному гневу.¹⁹ Богата эмоциональная палитра и у Софрония: с неизменной любовью он говорит о простых людях, а войско Пазвантоглу, которое причинило ему столько несчастий и беспокойств, прямо называет «пазванските хайдуты». И все же по глубине чувства, выраженного в Житии, по творческой писательской эрудиции на первом месте — протопоп Аввакум.

В. Е. Гусев пишет, что Житие Аввакума помогает современному русскому человеку познать и правильно оценить внутренний мир старорусских людей и понять своеобразную красоту древнерусской культуры.²⁰ К этому правильному определению следует добавить, что современный русский (советский) читатель через Житие Аввакума может познать дух древнерусской литературы и культуры, ибо Житие — неразрывное звено между древним и новым литературными процессами, сочетание старого и нового. Хотя Софроний жил и творил веком позднее и в его Житии гораздо больше ренессансных, современных элементов, из-за специфики (запоздавшее развитие) болгарских общественно-экономических и культурно-литературных условий вместе с «Историей славеноболгарской» Паисия Хиландарского оно служит своеобразным мостиком между староболгарской и новоболгарской литературами.

Заслуживает внимания общее для обоих писателей представление о равенстве людей, и хотя это у них связано с их христианско-религиозной идеологией, является свидетельством демократизма, столь определенно выраженного в житиях.²¹ Несомненно, что такая идея для их времени была прогрессивной.

И, наконец, одно умозрительное наблюдение, которое по существу является основательным доводом в пользу мнения, что болгарский писатель испытал влияние Аввакума, а не Досифея Обрадовича. Предположим, что Софроний был знаком и с Житием Аввакума, и с автобиографией Досифея Обрадовича. Если принять во внимание близость, вернее неразрывную связь Софрония с народом и такое же происхождение, судьбу и участь

¹⁶ История русской литературы (в трех томах), т. 1, стр. 355.

¹⁷ Михаил Арнаудов. Софроний Врачански. София, 1943, стр. 6, 48, 67.

¹⁸ Гудзий, стр. 447; Софроний Врачански, стр. 27.

¹⁹ Там же, стр. 452.

²⁰ Гусев, стр. 51.

²¹ История русской литературы (в трех томах), т. 1, стр. 353.

Аввакума, а с другой стороны, утонченную европейскую образованность Досифея Обрадовича, отразившуюся и на его автобиографии, то вполне естественно будет поставить вопрос: к кому мог чувствовать большую близость Софроний — к сербскому или к русскому писателю? Лучше всего отвечает на этот вопрос сам Софроний: «То ест вещь природна — учен человек ученаго любит, и прост простаго, и пиан пианаго». Так и Софроний не изменил человеческой природе: если он знал оба Жития, то безусловно бóльшую близость и родство чувствовал к Житию Аввакума и отдал ему предпочтение, что видно из сходства некоторых житейских деталей, общих идей, которые и явились предметом исследования данной статьи.

Можно указать еще на черты сходства Жития Аввакума и Софрония: приведенными параллелями возможности далеко не исчерпаны. Но и указанный нами материал дает основание предполагать, что Софроний знал Житие древнерусского писателя, с любовью читал его, что оно в известной степени послужило причиной, толчком к осознанию им значимости собственной жизни, побудило описать ее в сходном сочинении. И произошло это, по всей вероятности, в Бухаресте, где Софроний, как уже говорилось, поселился после 1803 г. Названные примеры сходства трудно считать проявлением случайности. Это, конечно, вовсе не означает, что Житие Софрония — некое слепое подражание Житию Аввакума. Напротив! Оно имеет все черты настоящего оригинального произведения с глубоко народной окраской, гораздо более современного, демократичного и прогрессивного, чем религиозный старообрядческий фанатизм Аввакума, ограниченность которого обусловлена исторически. Национальный колорит «Жития и страданий грешнаго Софрония» проявился как при обрисовке личности самого автора, так и при отражении общей атмосферы жизни и условий, в которых формировалась эта личность.

В заключение хочется сказать, что какая-нибудь счастливая находка исследователя в библиотеках Румынии и особенно среди книг прежней угровлахийской митрополии (если они все еще сохраняются в одном месте), где, возможно, сохранился какой-нибудь список Жития Аввакума, подтвердит документально высказанные здесь взгляды. Библиотечные изыскания следует вести именно в этом направлении, так как во время своего пребывания в Бухаресте с 1803 по 1813 г. (когда он писал и свою автобиографию) Софроний жил и работал в угровлахийской митрополии.
